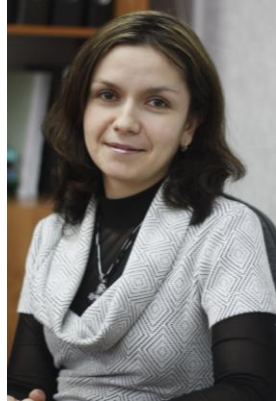

УДК 316.752

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.8

**ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЕДИНОЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
МАТРИЦЫ КУЛЬТУРЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛА
И НАСЕЛЕНИЯ ЗОНЫ
РАСПОЛОЖЕНИЯ АЭС**

**THEORETICAL
AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF STUDY
A SINGLE SOCIAL
AND CULTURAL MATRIX
OF THE PERSONNEL
AND POPULATION SAFETY
CULTURE IN A NUCLEAR
PLANT LOCATION AREA**

Евдошкина Юлия Александровна

Начальник учебно-методического отдела,
Волгодонский инженерно-технический
институт – филиал Национального
исследовательского
ядерного университета
«МИФИ»,
г. Волгодонск,
e-mail: YAEvdoshkina@mephi.ru

Yuliya A. Evdoshkina

Head of the Curriculum
& Instruction Department,
Volgodonsk Engineering Technical Institute,
branch of National Research
Nuclear University
(Moscow Engineering Physics Institute),
Volgodonsk,
e-mail: YAEvdoshkina@mephi.ru

В данной статье рассматриваются теоретические возможности создания единой социокультурной матрицы культуры безопасности персонала и населения зоны расположения АЭС. Выделяются структурные компоненты социокультурной матрицы безопасности в виде аксиологического и социального пространства, а также три индикатора: 1) общность интересов; 2) доверие; 3) наличие устойчивых коммуникативных практик, на основе кото-

This article discusses the theoretical possibilities of creating a single socio-cultural matrix of safety culture of personnel and population of the nuclear power plant location zone. The structural components of the socio-cultural safety matrix in the form of axiological and social space, as well as three indicators are identified: 1) common interests; 2) trust; 3) availability of stable communicative practices, on the basis of which the universal cri-

рых конструируются универсальные критерии оценки культуры атомной безопасности для населения и персонала АЭС.

teria for assessing the nuclear safety culture for the population and nuclear power plant personnel are designed.

Ключевые слова: социокультурная матрица безопасности; население зоны расположения АЭС; персонал РоАЭС; аксиологическое пространство; социальное пространство.

Keywords: social and cultural matrix of security; the population of the area of NPP location; staff RoNPP; axiological space; social space.

Введение

Культура безопасности персонала АЭС не может рассматриваться в виде некой абсолютно автономной от социума профессиональной культуры. Это по меньшей мере означает, что она имеет связь с национальной культурой на всех уровнях социального пространства. И уж тем более у нас есть основания говорить о наличии общих социокультурных оснований для выстраивания единой по принципиальным моментам понимания модели безопасности между персоналом АЭС и населением зоны расположения АЭС (Руденко, 2012). Такое понимание необходимо для того, чтобы наличие атомной электростанции не выступало источником напряжения между персоналом АЭС (или даже самим фактом ее существования) и населением сопредельной к ней территории.

Следовательно, мы постулируем идею о возможности наличия определенных граней соприкосновения культуры безопасности у персонала и населения зоны расположения АЭС.

Цель исследования: выявление потенциальных возможностей формирования единых принципов культуры безопасности между населением г. Волгодонска и персонала РоАЭС для преодоления предубеждения против атомной энергетики.

Объект исследования: население Волгодонска и персонал РоАЭС.

Предмет исследования: потенциалы напряженности между культурой безопасности населения Волгодонска и культурой безопасности персонала РоАЭС.

Данная цель реализуется в следующих **исследовательских задачах:**

- обосновать общую модель социокультурной матрицы безопасности;
- охарактеризовать индикаторы единой социокультурной матрицы безопасности.

Анализу тех или иных проблем культуры безопасности посвящено большое количество работ. Общие вопросы и многоуровневое их

изучение представлено в исследовательских трудах таких авторов, как М.С. Хвостова, В.В. Ковалев, М.В. Андросов и пр. (Хвостова, 2012; Ковалев, 2007; Андросов, 2010).

Теоретическое обоснование социокультурной матрицы безопасности

За годы эксплуатации «мирного атома» произошло несколько аварий. Поэтому формирование культуры безопасности является процессом, управляемым за счет наличия соответствующих служб в тех организациях, которые связаны со всей производственной цепочкой ядерной энергетики (Хвостова, 2012). Но формирующаяся организационная культура также является частью культуры всего российского социума, поскольку в атомной отрасли работают не иностранцы, а российские граждане. Их социализация проходила в российской социокультурной среде ещё задолго до обретения ими профессионального статуса сотрудника АЭС. И даже обретение этого статуса не останавливает процесса вторичной социализации, так как она имеет перманентный характер, никогда не прекращаясь.

Представленная взаимосвязь более глубоко может быть объяснена посредством социокультурной матрицы безопасности. Во-первых, речь идет об едином аксиологическом пространстве, структурированном ценностями, нормами, стереотипами. Во-вторых, указанные элементы аксиологического пространства обретают свои особенности на разных уровнях социального пространства, где наше внимание будет наиболее пристально акцентуировано, обращено на мезосреду, или территориальную общность. Хотя совершенно очевидно, что мезосреда не может быть представлена в виде единственной территориальной локации, как социальное пространство из ценностей, норм и стереотипов, оказывающей воздействие на формирование общих граней культуры безопасности персонала и населения зоны расположения АЭС. Так, культура безопасности персонала АЭС в идеале должна быть экстерриториальной (понятие «мегасреда» в нашей терминологии) и складываться через нормы и систему ценностей, определяемых политикой МАГАТЭ, а население зоны расположения АЭС выступает в большей степени частью институциональных практик российского социума (макросреды) (Андросов, 2010). Однако понятие территориальной общности в нашем конструкте социокультурной матрицы безопасности всё же будет иметь центральное значение, так как оно эмпирически привязано к РоАЭС и населению Волгодонска. За предела-

ми этой локации эмпирических исследований мы проводить не будем. Отсюда и соответствующий акцент.

Итак, культура безопасности персонала и населения зоны расположения АЭС – Волгодонска формируется в едином территориальном пространстве. Это, собственно, сам город, на территории которого располагается атомная электростанция. Персонал АЭС и городское население представляют собой единую общность, так как находятся в универсальном пространстве рисков, определяемом их территориальной близостью по отношению к друг другу, фактическим проживанием в единой местности, наличием родственных и дружеских связей, партнерскими отношениями на производстве. Источником риска выступает сама электростанция. На ней осуществляется такая разновидность производства электроэнергии, которая стереотипно воспринимается населением как потенциальная опасность для жизнедеятельности, угрожающая здоровью, посягающая на чувство комфорта, вносящая тревогу и беспокойство (Журавлев, 1998). Это формирует соответствующий очаг напряжения, который обращен, как мы предполагаем, не столько против персонала АЭС, сколько против самого факта ее существования на определенной территории. Обоснованность или степень выраженности подобного рода суждения мы проверим в ходе эмпирического исследования. Пока же наличие очага напряженности постулируется нами в форме научного предположения, как гипотеза, посредством которой мы описываем особенности социального пространства социокультурной матрицы безопасности.

Что касается аксиологического пространства и его взаимосвязи с культурой безопасности персонала и населения зоны расположения АЭС – Волгодонска, оно должно быть охарактеризовано с учетом ее принадлежности к единому социокультурному пространству российского социума. Априорное позиционирование каких-то региональных особенностей здесь едва ли было бы правомерным, так как нормативность строя мышления, ценностные ориентации и стереотипные представления во всех регионах России должны иметь относительно культуры безопасности в атомной отрасли примерно схожие проявления. Тем более что в Волгодонске нет каких-то особенностей, связанных с территориальным характером места расположения РоАЭС. Как и во всей стране, подавляющее большинство населения русские, нет демографических диспропорций, отсутствуют природные катаклизмы в виде наводнений, землетрясений, цунами либо других природных факторов, способных усилить источники напряжения в противостоянии между РоАЭС и населением зоны ее расположения. В связи с этим

персонал РоАЭС и жители Волгодонска представляют собой единое социальное пространство, оформленное и регулируемое общим для всех социальных акторов аксиологическим пространством. Внутри, безусловно, имеются свои дифференциации, поскольку однородность вообще не свойственна сложноорганизованным системам, но все имеющиеся различия не должны доходить до состояния антагонизма, в котором приоритетное значение имеет поиск источников противоречий (источников напряжения), а не оснований для единения. В нашем же случае ситуация как раз требует иного: выстраивания единой платформы для согласования культуры безопасности персонала, работающего на РоАЭС, и населения, живущего в зоне ее расположения, т. е. в Волгодонске. Такой платформой являются социальные ценности и социальные нормы, а также стереотипы (Ковалев, 2007), способные не только довести до автоматизма отрицательные суждения об атомной энергетике и отразиться в данном качестве в общественном мнении, настроенном сейчас негативно в отношении «мирного атома», но и выполнить прямо противоположную функцию, т. е. способствовать замене негативных суждений на нейтральные или даже положительные. В конечном итоге стереотипы – это застывшие ценности, а значит, процесс их создания можно считать управляемым.

Индикаторы единой социокультурной матрицы культуры безопасности для персонала РоАЭС и населения Волгодонска

Далее необходимо поставить вопрос о возможности конструирования единой для персонала РоАЭС и населения Волгодонска социокультурной матрицы культуры безопасности. Пока эта идея лишь постулировалась как возможная. Теперь мы переходим к определению социальных индикаторов, наличие которых позволит обосновать данную возможность теоретически, а затем подтвердить или опровергнуть ее наличие в социальной практике эмпирически. Мы полагаем, что в качестве таковых индикаторов можно было бы рассматривать три позиции: 1) общность интересов персонала РоАЭС и жителей Волгодонска; 2) доверие между персоналом РоАЭС и жителями Волгодонска; 3) наличие устойчивых коммуникативных практик между персоналом РоАЭС и жителями Волгодонска, направленных на преодоление неопределенности, непонимания, противоречий.

Эти три индикатора потенциально способны отразить как реальный уровень культуры безопасности персонала РоАЭС и жителей Волгодонска, так и системные возможности его повышения. Еще раз подчеркнем, что нашей гипотезой является наличие источников напряже-

ния между профессиональной культурой безопасности персонала РоАЭС и культурой безопасности населения зоны ее расположения в реальных практиках взаимодействия и оценочных суждениях. Эта гипотеза будет проверяться в процессе эмпирического исследования, а на данном этапе мы считаем необходимым, прежде чем представить его результаты, провести некоторые разъяснения относительно того, что в содержательном плане представляют собой заявленные выше три индикатора. Чтобы обосновать посредством их использования возможность существования единой культуры безопасности персонала РоАЭС и жителей Волгодонска, а также более четко обозначить вектор практических исследований, где мы планируем проверить нашу гипотезу о наличии противоречий в аксиологическом пространстве между культурой безопасности персонала атомной электростанции и культурой безопасности населения, рассмотрим их в качестве некой идеальной модели общей культуры безопасности для персонала РоАЭС и населения Волгодонска.

1. Общность интересов персонала РоАЭС и жителей Волгодонска.

Ростовская АЭС является одним из градообразующих предприятий. Только на одном строительстве четвертого энергоблока было занято свыше пяти тысяч человек (Атомная стройка ... , 2017), значительная часть которых останется для обслуживания текущих потребностей работы электростанции. На данный момент станция обеспечивает почти 40 % всего годового объема электроэнергии, производимой в Ростовской области. С запуском четвертого энергоблока объем будет еще больше увеличен (Ростовская АЭС, 2018). РоАЭС обеспечивает рабочие места для населения города, платит налоги в федеральный и региональный бюджеты, создает необходимую инфраструктуру самому городу. Нельзя не обратить внимание на то, что атомная электростанция является объектом, обладающим потенциалом для инвестиционной привлекательности. До недавнего времени это выражалось во вложении средств, связанных со строительством четырех энергоблоков. Далее финансовые проекты будут реализовываться уже с учетом практики функционирования предприятия в соответствии с его проектной мощностью.

2. Доверие между персоналом РоАЭС и жителями Волгодонска.

Доверие мы будем понимать в соответствии с теми методологическими установками, которые были определены в социологической теории Дж. Коулмана (Coleman, 1990). Дж. Коулман является основоположником теории рационального выбора в социологической науке. Согласно его представлениям, доверие следует рассматривать в каче-

стве устойчивой и осознанной готовности принимать решение на основе особого отношения к тому социальному актору, от действий которого зависят успешность социальной коммуникации, получение преференций, выгод, достижение поставленной цели и т.п. Дж. Коулман измеряет степень силы и устойчивости доверия в зависимости от того, в какой ситуации риска проявляется доверие: чем больше объем рисков, тем сильнее и устойчивее должно быть доверие.

Если применять данную схему к ситуации взаимодействия персонала РоАЭС и жителей Волгодонска, то, поскольку любая АЭС потенциально содержит в себе большой объем рисков, сила и устойчивость доверия к ее персоналу у населения зоны расположения АЭС должны быть очень высокими. Мы полагаем, что без наличия такой степени доверия все рассуждения относительно первого индикатора (общность интересов) утрачивают всякий смысл. Если общность интересов основывается на поиске выгод и преимуществ во время расположения в едином социальном и аксиологическом пространстве (социокультурная матрица культуры безопасности), то доверие – в ситуации одновременного нахождения в разных социальных ипостасях с точки зрения деятельностного аспекта.

3. Наличие устойчивых коммуникативных практик между персоналом РоАЭС и жителями Волгодонска, направленных на преодоление неопределенности, непонимания, противоречий.

Неопределенность вызывает непонимание и формирует противоречия. Необходима систематическая, постоянная, повседневная работа по формированию представлений у населения Волгодонска о нормативных основах деятельности персонала РоАЭС и системе его доминирующих ценностей. Итогом этой работы должно стать признание значимости и достаточности существующей культуры безопасности для обеспечения необходимых гарантий от потенциальных угроз и рисков. Население города должно стать единой частью этого аксиологического пространства. Иначе мы не представляем, как можно другим способом сконструировать устойчивое аксиологическое пространство, где персонал РоАЭС и жители Волгодонска обретут общие нормы и ценности как часть социокультурной матрицы безопасности и одновременно избавятся от стереотипов в форме предубеждений и предрассудков, препятствующих образованию единой культуры безопасности. Решение этой проблемы посредством устойчивых коммуникативных практик позволит нам поставить знак равенства между реальными ценностными ориентациями населения зоны расположения АЭС и предложенной теоретической моделью, предполагающей наличие об-

щего для всех социальных акторов анализируемой территориальной общности, включая персонал РоАЭС, поля, состоящего из норм, ценностей и стереотипов.

Выводы

Модель анализа культуры безопасности в отношении АЭС основана на теоретическом допущении возможности единой культуры безопасности между персоналом и населением зоны расположения АЭС. Указанное допущение обосновывается посредством универсальной для данной территориальной общности социокультурной матрицы культуры безопасности, состоящей из аксиологического пространства (нормы, ценности, стереотипы) и социального пространства (персонал АЭС и население зоны расположения АЭС). В реальной практике коммуникации между выделенными социальными акторами могут быть (и, скорее всего, есть) источниками напряжения, обусловленными разнородным пониманием степени выраженности рисков, порождаемым самим фактом наличия АЭС на определенной территории. Это должно неизбежно вызывать противоречия в аксиологическом пространстве постулируемой социокультурной матрицы культуры безопасности. Степень проявления этих противоречий можно измерить посредством трех индикаторов: 1) глубины осознания общности интересов персоналом АЭС и населением зоны ее расположения, 2) наличия доверия между указанными социальными группами; 3) интенсивности устойчивых коммуникативных практик между ними. Предложенные три индикатора не только дают возможность оценить интенсивность напряжения между персоналом АЭС и населением зоны ее расположения, но и указывают на направления возможной работы по преодолению напряжения, итогом которой должно стать формирование общей культуры безопасности относительно анализируемых социальных групп.

Литература

Андросов М.В. Экологическая безопасность в области использования атомной энергии // Труды Ин-та государства и права Российской академии наук. 2010. № 1.

Атомная стройка закончится, но рынок труда устоит. Режим доступа: <http://volgodonskgorod.ru/node/22451>.

Журавлев Г.Е. Психологические основы культуры безопасности атомной энергетики и промышленности // Информационный бюллетень РФФИ. 1998. № 6.

References

Androsov M.V. (2010). Environmental safety in the use of atomic energy. *Trudy In-ta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. No. 1.

Atomic construction will end, but the labor market will stand (2017). Available at: <http://volgodonskgorod.ru/node/22451>.

Zhuravlev G.E. (1998). Psychological foundations of the safety culture of nuclear energy and industry. *Informatsionnyy byulleten' RFFI*. No. 6.

Ковалев В.В. Ценностная трансформация российского общества: новые вызовы и старые стереотипы // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6.

Ростовская АЭС. Режим доступа: http://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-rostovskoy-aes/.

Руденко В.А., Евдошкина Ю.А. Культура безопасности в контексте общечеловеческой культуры // Глобальная ядерная безопасность. 2012. № 4 (5). С. 88–91.

Хвостова М.С. Радиационная и экологическая безопасность предприятий атомной отрасли // Безопасность в техносфере. 2012. № 3.

Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap, 1990.

Kovalev V.V. (2007). The Value Transformation of Russian Society: New Challenges and Old Stereotypes. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. No. 6.

Rostov NPP. Available at: http://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-rostovskoy-aes/.

Rudenko V.A., Evdoshkina Yu.A. (2012). Culture of Security in the Context of Universal Human Culture. *Global'naya yadernaya bezopasnost'*. No. 4 (5). P. 88-91.

Khvostova M.S. (2012). Radiation and Environmental Safety of Nuclear Industry Enterprises. *Bezopasnost' v tekhnosfere*. No 3.

Coleman J.S. (1990). Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Belknap.

Поступила в редакцию

26 марта 2018 г.